

ЧАСТУШКА В ПОВЕТЛУЖЬЕ: К ПРОБЛЕМЕ СУДЕБ ЖАНРА

КЛАРА ЕВГЕНЬЕВНА КОРЕПОВА

(Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского: Российская Федерация, 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37)

***Аннотация.** В статье на материале экспедиционных и стационарных наблюдений в одной региональной традиции исследуются судьбы частушки в период угасания жанра. В середине 60-х годов прошлого века частушка жила в деревне еще активно: сохраняла свою исконную возрастную принадлежность — была частью культуры молодежи, сохраняла основную форму бытования — молодежные гулянья. Признаком активной жизни частушки явилось также сохранение ею жанровой функциональности: реализовалась коммуникативная функция ее — для деревенской молодежи она служила одной из этикетных форм самовыражения. Частушка жила в разнообразии внутрижанровых видов и напевов (в статье рассматриваются виды напевов и плясок под частушку, их терминология в Поветлужье). Процесс создания новых текстов в жанре частушки был уже замедлен, и основной фонд лирических частушек о любви, записанных в те годы, сложился много раньше.*

В начале 1970-х гг. частушка ушла из жизни молодежи и осталась жить в среде тех, чья молодость прошла с нею. Произошла возрастная «перекодировка», а с ней и «перекодировка» функциональная — потеря частушкой ее исконной непосредственной коммуникативной функции. Признаком угасания стало также сокращение в местных традициях числа напевов, некоторая унификация их.

В 1980-е гг. произошел всплеск ушедшей или уходящей традиции, искусственно вызванный телепередачей «Играй, гармонь!» и поддержанный народом. Оказалось, что частушка сохраняется еще в памяти деревенского населения, отвечает эстетическим вкусам и востребована. Но реанимации жанра не произошло. Частушка как жанр жила в обстановке коллективного неорганизованного традиционного гулянья. Этот синкретизм жанра и условий бытования оказался столь устойчив, что пересилил все другие факторы. С исчезновением привычной обстановки бытования ушла и частушка.

***Ключевые слова:** частушка, напев, фольклорный танец, региональный фольклор, судьбы фольклора.*

***Дата поступления статьи:** 30 марта 2019 г.*

***Дата публикации:** 25 июня 2019 г.*

***Для цитирования:** Корепова К. Е. Частушка в Поветлужье: К проблеме судеб жанра // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 2. С. 179–190.*

***DOI:** 10.26158/TK.2019.20.2.016*

Водной из самых, пожалуй, глубоких работ о частушке, где жанр рассматривается в культурно-историческом и фило-

софском аспекте, автор ее И.И. Земцовский заметил в образной форме относительно становления жанра: «Нам дороги

драгоценные свидетельства современников о ранней судьбе, о детстве и юности этого чудо мальчика-с-пальчика, песенной крошке, мужавшей, словно сказочный богатырь, не по дням, а по часам!» [Земцовский 1987, 74]. Думается, будут интересны и наблюдения за тем, как частушка, прожив свой жанровый возраст, оказавшись ярким, но очень коротким, уходила из жизни. Возможно, эти наблюдения окажутся полезными при исследовании судеб традиционной культуры в целом.

Уходила частушка не единым фронтом, где-то стала исчезать раньше, где-то позже. Представим свои экспедиционные и стационарные наблюдения за жизнью частушки в последние полвека в одной региональной традиции — в Поветлужье и укажем приметы угасания жанра.

В 1965 г. студенческая экспедиция тогда Горьковского университета работала две недели в Ветлужском районе. В ходе экспедиции было записано более 1650 текстов частушек от 50 исполнителей в возрасте от 10 до 90 лет, как мужчин, так и женщин, не считая записи от групп. Записывались частушки индивидуально в доме, от группы колхозников в поле, на сенокосе, а также в естественной обстановке — на гулянье по поводу окончания сенокоса [Указатель 1985, № 220–270].

Тогда частушки в деревне знали все, но если сравнить Поветлужье с некоторыми другими областями Русского Севера, то здесь меньше было особо выдающихся знатоков, отличающихся в массе исполнителей обилием репертуара. Так, за десять лет до экспедиции в Поветлужье мне пришлось записывать фольклор в Вологодской области (Андомский, Вытегорский, Ковжинский районы). Там ряд исполнительниц знали по несколько сот текстов, в Ветлужском районе только от одной (22 лет) было записано 237 текстов и от одной — 121, репертуар остальных составлял в среднем до 100 частушек. Больше всего знали те, кто участвовал в молодежных гуляньях. Как ни странно, уже тогда охотнее всего частушку пели собирателям пожилые люди. Они ощущали частушку своей, наравне с песней. То же отмечали позднее в смежном Варнавинском районе участники экспедиции МГУ [Ветлужская сторона 2005, 297].

В те годы частушка жила в деревне еще активно. Она сохраняла свою исконную возрастную принадлеж-

ность — была прежде всего частью культуры молодежи, сохраняла основную форму бытования — молодежные гулянья. Молодежь еще каждый вечер собиралась на определенном месте в деревне — на «пяточке», приходил гармонист, и начиналась пляска под гармонь с пением частушек. Нередко приходили компании со своими гармонистами из соседних деревень. Игра гармони, доносившаяся с «пяточка» или с какой-либо околицы в поздний час, когда взрослое, семейное население уже засыпало, была приметой быта деревни.

Содержание основного частушечного фонда соответствовало возрастной принадлежности жанра: в записанных частушках поется о личных проблемах молодежи: о любви, взаимоотношениях влюбленных, в меньшей мере об отношениях с родителями. Часть мужских частушек посвящена службе в армии, но тема армии сливается с любовной темой. Частушек с общественно-политической тематикой встретилось немного. В собрании мало частушек о каких-либо местных бытовых событиях, может быть, в силу их злободневности и отсюда недолговечности. Но, возможно, частушка уже не пользовалась своей способностью быть злободневной, быстро откликаться на злобу дня, быть «живой газетой». Она теряла свою сиюминутность. Показательно в этом отношении сравнение репертуара частушек, записанных в том же районе в 1926 [ФА ННГУ. Собрание частушек П. Тимина] и 1965 гг. В ранних записях также нет частушек о местных бытовых событиях, но значительно чаще в лирических частушках упоминаются местные топографические реалии: «Дарьинский мосточек», «Колодско полюшко», названия деревень («Коробихой я иду...», «Коробиха — на горе... а Карасиха — в лугу...») и т. п., таким образом частушка привязывалась к местной истории, становилась «местной».

Люди старшего поколения в 1960-е гг. сохраняли в своем репертуаре частушки, отражающие времена их молодости («...тебе доли не дадут», «у него семейка маленька — работать некому», «самопрялочка скрипит...») и т. п.), хорошо помнили частушки о Великой Отечественной войне, тоже лирического содержания, в которых война изображалась с женской позиции («Мой залетка на войне управляет ротою...»; «Ягодиночку убили...», «Скоро кончится война, пойдут солдаты ротами...», «У нас

кончилась война восьмого мая вечером...» и т.п.) и сатирические: «Сидит Гитлер на печи / на заборе...» и т.п.). Частушки о войне в среде старшего поколения записывались и позднее — в конце XX в., более того, в это же время записывались лирические частушки о Первой мировой войне («Нынче год такой несчастный — / Стал германец воевать...», «На германской на границе / Мой залетка умирал...», «Милосердные сестрицы, / Алые косыночки...», «Кабы время не такое, / Не германская война...» и т.п.), возможно, в сознании людей они привязывались к Отечественной войне, в любом случае они заняли в фольклорном репертуаре нишу исторических песен.

Тот же состав репертуара был отмечен в последующие годы в районах, лежащих ниже по Ветлуге: в 1966 г. в Воскресенском [Указатель 1985, № 288–312], в 1967 г. в Варнавинском [Там же, № 205–218], в 1968 г. в Краснобаковском [Там же, № 474–492], сходный репертуар был зафиксирован спустя почти 40 лет в 2002–2003 гг. в Варнавинском районе экспедицией МГУ [Ветлужская сторона 2005, 295–329].

Еще одним признаком активной жизни частушки в середине 1960-х гг. явилось сохранение ею жанровой функциональности. В жанровой природе частушки заложена коммуникативная функция [Адоньева 2004, 156–178.]. Частушка изначально рассчитана на аудиторию, слушателей. Отмечаемые некоторыми собирателями случаи, когда частушка кем-либо поется только «для себя», редки и, с нашей точки зрения, нетипичны для жанра. Это скорее экспансия частушки в область, принадлежащую песне. Целевая установка ее — сообщить что-либо аудитории или чаще публично высказать свое отношение к чему-либо. Частушка — форма публичного оповещения, декларации, признания. Эта декларация может носить игровой характер. Содержание того, о чем поет исполнитель от своего лица, обязательно отражает реальность, именно с ним связанную. Если при групповом танце запевала затронет тему измены, остальные участники продолжают ее, независимо от того, присутствует ли эта измена в их личных отношениях. Исполнитель играет роль лирического героя частушки. В его репертуаре есть частушки на все случаи жизни, и он легко выберет требуемую по обстоятельствам. Но поскольку частушка отражает типовые ситуации в жизни одной возрастной группы

людей, содержание всех частушек исполнителю, принадлежащему к этой группе, близко: то, о чем он поет, могло быть в его жизни или может быть. Поэтому сквозь игровое поведение проскальзывает вполне серьезное высказывание. Сочетание в частушке шуточного и серьезного отметил в свое время П. Флоренский: «Эта двойственность частушки, это шуточное в глубоком и глубоком в шуточном придают частушке дразнящую и задорную прелесть» [Флоренский 1909], и сравнивал в этом отношении частушки со стихами Гейне. Есть в частушке также сочетание «своего» и «не своего», но пока «не своего». Двойственность частушки — «про себя» и «не про себя» — позволяла высказывать частушкой то, что считалось неудобным или не совсем приличным подать в форме обычной речи в повседневной жизни. Можно было пропеть личное, высказаться, скрываясь за частушкой. Частушка для деревенской молодежи служила одной из этикетных форм самовыражения. В середине 1960-х гг. эта функция частушки еще реализовалась. Приведем примеры из материалов экспедиции 1965 г.

Мы в д. Макарьевское у известного гармониста. Это немолодой мужчина, сумрачный и неразговорчивый, дома один. Жена куда-то ушла. Уговорили наиграть и спеть частушки. Пишем. Обычные частушки про любовь. Приходит жена. Увидев запись, явно чем-то встревожилась. Быстро нашла предлог занять мужа какой-то работой и попросила нас прийти завтра. Ушли, но почувствовали, что что-то за всем этим скрывается. Объяснила наша хозяйка: какое-то время назад нахлынули на мужчину чувства к одной женщине. Жена постаралась роман прервать, но с тех пор кажется ей, что муж выпевает в частушках скрытую любовь, и она строго следит за его репертуаром. Когда мы пришли на второй день, частушки, вероятно прошедшие цензуру, были записаны на края газеты, и он отдал нам их для переписывания, петь отказался.

Другой пример. Одним из наших информантов была незамужняя женщина лет тридцати, по деревенским понятиям старая дева. За ней ухаживал парень-односельчанин, моложе ее. Мать противилась браку сына с «перезрелкой». Мы подружались с женщиной, и после нашего отъезда она иногда присылала нам новые записи частушек. В одном из писем сообщила, как

на гулянье в праздник, где присутствовало много народу, она пошла плясать и в частушках высказала его матери все, что накипело на душе.

Еще пример, тоже из Поветлужья, свидетельствующий о том, что сообщенные выше факты есть продолжение традиции жанра. Учительница А. Г. Козырева (1900–1988), в воспоминаниях, хранящихся в Шахунском фольклорно-этнографическом музее (ШЭМ), рассказывает о замужестве своей матери, т.е. о событиях конца XIX в.: «Дуня (ее мать. — К. К.) была красивая девушка, веселая певунья. Отец захотел ее жизнь устроить легкую, не крестьянскую, и выдал ее за фельдшера, который был старше ее на десять лет. Ей очень не хотелось выходить за такого старого <...>. Ей было 17, почти 18 лет (родилась она в 1883 г.). Через несколько месяцев после свадьбы приехали они на Масленицу, собрались молодушки и старые подружки в одной избе, стали плясать, и она спела песенку:

Тятя рódной, тятя рódной,
Не за ровню меня óтдал,
Не за ровню, не за пару,
Я любить его не стану.

Все бабы, присутствующие, заплакали» [Козырева 2019, 248].

Частушка в 1960-е гг. жила в разнообразии внутрижанровых видов и напевов. В деревнях Макарьевского сельсовета плясали под повсеместно известных «сормача», «цыганочку» (в Поветлужье ее называют «сербияночкой»), «Семеновну» и «елецкого» (его же называли «подгорной»), реже «барыню». Еще были напевы местные: «ветлужский», «по-верховски» и «понизовски», т.е. занесенные из районов выше или ниже по течению Ветлуги. Пели «повятские». Был напев частушки «походной». Он был под разными названиями известен во всем Поветлужье, костромском и нижегородском, в содержании некоторых частушек отразилось действие поющих — шествие:

*По деревне мы пройдем
И назад воротимся,
У какой-нибудь залетки
Ночевать попросимся.*

Широко известна, вар.: [Ветлужская сторона 2005, № 19].

Еще были частушки «под язык». «Под язык», т.е. только под частушки без гармошки плясали, но при этом и частушки пели особым образом, со звуковым подражанием музыкальному инструменту.

Может быть, главный признак активной жизни жанра частушки — создание новых текстов, возможность отражать действительность в данном жанре. Бесспорно, в эти годы создавались частушки как отклик на общественные события в стране и в своем колхозе (д. Нориха, Скрыбино [Указатель 1985, № 256, 263]). Они записывались в Поветлужье и в начале XXI в. [Ветлужская сторона 2005, № 193–198], хотя некоторые из них, кажущиеся злободневными и местными, были известны и ранее [Там же, № 196, 197]. Такие частушки в большинстве своем созданы в коллективах самодеятельности и должны быть отнесены к частушечному фольклоризму. Создавались ли новые лирические частушки в 1960-е гг., сказать сложно. Лирический фольклорный текст невозможно прикреплять к десятилетию. Бытовые реалии могут быть приметой времени, но они легко меняются или переосмысливаются, поэтому они являются хронологической приметой лишь данного варианта, но не «сюжета» частушки. Например, среди частушек, записанных в Заветлужье в 80-е годы прошлого века, а отнесенных исполнителем к 1930-м гг., есть такая «допризывная»:

Скоро, скоро нас угонят,
Нас угонят далеко,
Где китайские снаряды
Землю роют глубоко
[Раскатов 1991], —

в которой явно имеется в виду конфликт на КВЖД в 1929 г., но та же частушка известна с другой реальией («германские снаряды»), связывающей ее с Первой империалистической войной. А по сведениям краеведа О. С. Козырева [Козырев 2002, № 206], ему приходилось слышать ее с упоминанием афганских снарядов. Частушка при кажущейся импровизационности, сиюминутности имеет устойчивый текст и живет в памяти долго. Публикуя частушки Русского Севера и Северо-Запада в записях советского времени, составители сборника сообщали, что «значительную часть советских записей

частушки составляет частушка классическая, известная в дореволюционных вариантах по капитальным сборникам Е. Н. Елеонской и В. И. Симакова» [Горелов 1965, 6]. Подвижность репертуара, обновление его можно было бы проследить, сравнив записи разных лет из одной местности, но, к сожалению, состояние источников не позволяет сделать это на ветлужском материале. И все-таки думается, основной фонд лирических частушек о любви, записанных в 1965 г., явно сложился много раньше.

Несмотря на активное бытование, в середине 1960-х гг. уже наметились первые признаки существенных сдвигов в жизни частушки, может быть, кризиса жанра. Мы наблюдали, как кто-то из местной молодежи, живущий в городе, приехав на родину в отпуск, привез магнитофон, по тому времени редкость. И вместо гулянья на улице молодежь собиралась иногда в клубе, где танцевала под магнитофон. Потребности в гармошке и частушках в таком случае уже не было.

Следующий временной срез в наших наблюдениях за частушкой — 1970-е гг. Спустя десять лет после первой ветлужской экспедиции, в 1975 г., мы работали в Шахунском районе, смежном с Ветлужским, уже в Заветлужье. Было записано 2250 текстов частушек от 78 исполнителей, не считая записи от групп [Указатель 1985, № 742–820]. В среднем респондент сообщал в пределах 100 текстов, наибольшее число текстов, записанных от исполнителя, — 278, затем 246, 186, т.е. частушка сохранялась в памяти народа так же, как и десять лет назад.

Похоже, что здесь частушечная традиция была даже богаче, чем в селениях близ р. Ветлуги. Богатство выражается не столько в обилии текстов, сколько в обилии напевов, типов исполнения, видов пляски и в развитой системе народных терминов, связанных с частушкой, в том числе и терминов внутритекстовых, поэтических. Лирический герой здесь называется чаще всего как в соседнем вятском фольклоре, *миленком* (*мил*, *милбй*), героиня *милкой* (*милочкой*, *милашкой*) и реже *дролей*, термином, характерным для традиции Русского Севера, где он является наиболее частотным [Власова, Горелов 1965, 454–455], а еще *матаней*, как

в фольклоре южных областей (на Русском Севере это название фактически отсутствует: среди 7266 текстов встретилось лишь 14 раз) [Там же, 467]. Встречается, кроме того, еще *ягодиночка*, *шурочка*, т.е. частушка в Заветлужье вобрала названия из разных русских областей.

Объясняется богатство и разнообразие местной традиции историей края, в том числе его заселением. Шахунский край — это маргинальная зона, нижегородско-костромское и вятское пограничье. Массовое заселение его началось со второй половины XVIII в., а в середине XIX в., когда частушка оформилась как жанр, сюда на свободные лесные земли переселялись в основном крестьяне с берегов Ветлуги. Традиционная культура (свадебный обряд, календарная обрядность и др.) жителей районов по р. Ветлуге и жителей Заветлужья идентична.

В то же время Заветлужье находилось в связях с соседними вятскими землями. В Вятскую губернию на Яранскую ярмарку местные крестьяне ездили закупать хлеб. Уходили туда на отхожие промыслы. Из вятского пограничья — Ромачей (Тоншаевской волости) или вятских мест брали девушек в жены, и, хотя население даже пограничья (Ромачей) воспринималось как «чужое» (не ветлугаи) и жен оттуда за глаза называли несколько пренебрежительно — черемисками, ромачихами, такие браки случались довольно часто. В вятское село Русские Краи ходили в Троицкую церковь.

Было движение населения и в обратном направлении: крестьяне из округи села Юма Котельничского уезда, а также из слободы Кукарки Яранского уезда Вятской губернии в XIX — начале XX в. переселялись в Заветлужье. Здесь их называли юмаками и кукарами. Они приносили свою культуру.

В начале XX в. местные крестьяне уходили на промыслы и в другие дальние губернии, в частности в Сибирь, где сталкивались с выходцами из разных областей России.

В результате территориальных связей и потенциально легкого заимствования частушечных напевов и текстов в Шахунском районе оказались известны напевы, во-первых, общерусские: «Семеновна», «сормач», «сербияночка» («цыганочка»), «елецкий» «подгорный», во-вторых, характерные для Поветлужья:

«ветлужаночка» и тип исполнения частушек — «турань», связанный с одноименным селом на правобережной части Поветлужья в бывшем Варнавинском уезде, в-третьих, напевы, отражающие связи с Вятской землей: «кукарочка» и «ромачинка» (напев назван по селу Ромачи, в прошлом входившему в Ветлужский уезд, но тяготеющему к Вятскому краю). Краевед О.С. Козырев, специально занимаясь поиском напевов в районе, даже в 1980-е гг. насчитал их 13. Ведущий принцип номинации заимствованных напевов здесь — географический: названия давались по родине напева или месту, откуда напев переняли. Таковы получившие повсеместное распространение «сормач» (здесь «соромотный») и «елецкий», а в Поветлужье «по-верховски», «по-низовски», «ветлужаночка» («ветлужский»), «по-вятски», «кукарочка», «ромачинка». Круг заимствований напевов, не считая ставших общерусскими видов, ограничивался смежными территориями, соседними уездами, с которыми были какие-либо связи: переселенческие, хозяйственные, брачные, в прошлом административные и т.п. Круг заимствования текстов с устойчивой лексикой (*залетка*, *дроля*, *шурочка*, *матаня* и т.п.) был много шире, но в нем труднее устанавливается география.

Один из напевов, возможно местный, назван по социальному принципу — «деревенский», возможно, он противопоставлен распространенному «сормачу» как городскому, «сормача» называли еще «хромачом», по названию инструмента — гармошки-хромки. Зафиксирован узколокальный (с. Извал) напев с пляской «ночка», к сожалению не получивший в свое время описания, а в настоящее время исчезнувший, номинация его неясна. И еще были шуточные частушки, противопоставленные серьезным уже в названии — *барабушки*. Это частушки-нескладухи. Они четырехстрочные, не отличаются содержанием, изображенная в них ситуация, может быть, не очень серьезна, но и не является нелепой, абсурдной. Комический эффект создавался за счет игры формой. Во-первых, содержание их не организовано рифмой, иногда в них сбивается ритм — они были «нескладны» и в поэтическом частушечном контексте своей «нескладностью»

вызывали смех. Во-вторых, в них в развитии сюжетного действия был заложен некий подвох — неожиданная концовка, что тоже вызывало смех. Исполнение их воспринималось как выходка, они были забавой:

— Ты куда меня ведешь,
Такую молодую?
— На ту сторону реки,
Или, не разговаривай.

Или:

Я с Муренского моста —
Прямо в омут головой.
Ну, кому какое дело —
Только брызги полетят.

«Их обычно на беседках парни ни с того ни с сего выкрикивали под общий хохот» (Письмо Козырева от 21.01.2019) [ЛАА].

Некоторые напевы могли исполняться в разном темпе и соответственно были связаны с разными формами исполнения. «Сормач», например, мог быть связан с индивидуальным исполнением частушки, а также быть напевом походным и еще танцевальным. Формы исполнения имели свои названия. Сольно исполняемая частушка здесь называлась «страданием» (говорят, например, *рекрутское страдание*), диалог двух подруг, обычно соперниц, сопровождаемый пляской, в одних селениях называли «переплясом», в других — «подгорной(ым)», т.е. термин, обозначавший первоначально напев, под который разговор исполнялся, оторвавшись от напева, закрепился за формой исполнения — диалогом. Частушки в форме разговора в самозаписи одного местного жителя озаглавлены: «Подгорного под сербиянку» [Раскатов 1991]. Перепляс имел разновидности: в д. Большая Музя на беседках он мог происходить иногда на широкой лавке — своеобразных подмостках, и тогда по месту нахождения певиц назывался «по кончику». Терминологические обозначения имели типы пляски: по рисунку танца («крестовик») или по количеству участвующих («четверка», «восьмерка» / «восьмеровка», в Варнавинском районе есть «троечка»).

Своеобразным было исполнение частушек в танцевальной композиции, называемой «туранью». «Турань» включает

элементы хоровода с коллективным исполнением частушек. В «турани» участники становятся кругом, под наигрыш движутся друг за другом по кругу, запева-ла «отрывисто, почти скороговоркой» выкрикивает первые две строчки частушки, например:

Через речку мост мостили,
По мосту вода лилась.

Хор через паузу в два шага протяжно, на восемь шагов повторяет строчки:

Через речку мост мостили,
По мосту вода лилась.

Снова запевала без паузы скороговоркой:

Я к милóму привыкала —
Как хмелиночка, вилась.

И снова подхватывает и протяжно повторяет хор. Потом следующий запевала выкрикивает две строчки новой частушки... И заканчивается «турань», как каждый вид пляски, похвалой гармониста и благодарностью ему, выраженными прямо или намеком, например:

Этого бы игрока
Да в нашу бы деревнюшку —
Его серые глаза
Интересуют девушку.
Лебедева А. Д., пос. Лужайки [Козырев, личный архив].

Обычно начиналась она с выкрика кого-либо: «В турань!», и сразу образовывался круг. «Турань» могла быть женской, когда участвовали одни девушки, и мужской.

Возможно, «турань» — несколько преобразованная ветлужская пляска, распространенная в Варнавинском [Указатель 1985, № 209; Ветлужская сторона 2005, 295–296] и Уренском [Указатель 1985, № 694] районах, имеющая там название «Соломушка», здесь переименованная по географическому принципу. «Соломушка» тоже исполнялась при круговом движении группы, и, вероятно, это было в танце главное. Включение солиста в хоровод в разных местностях происходило по-разному: в Варнавинском районе

частушку исполнял кто-либо один во время остановки, а все в это время приплясывали, потом движение по кругу под игру гармониста продолжалось до новой остановки, хоровое пение в ней отсутствовало. В уренской «Соломушке» ведущая роль принадлежала гармонисту. После проигрыша, во время которого «хоровод» шел по кругу, он выбирал одну из участниц, подходил к ней и делал хлопок руками. Выбранная плясала с частушкой под «барыню». Затем продолжалось движение по кругу. Хоровое исполнение частушек в этом танце отмечено только в Шахунском районе.

Исследователями замечено, что «в разных географических районах России существовали различные традиции исполнения. <...> В центральных областях преобладает исполнение частушек напевной скороговоркой во время пляски, причем пляшущие пели попеременно. В северных областях, на Урале предпочитали хоровое пение, частушки здесь в определенной мере унаследовали традиции протяжных песен» [Селиванов 1990, 27]. Вероятно, шахунская манера, где хоровое исполнение частушек встречается часто, сохраняет связь с северной традицией.

Была разновидность «сормача», связанная с танцем. О характере исполнения танцевального «сормача» рассказывала жительница пос. Лужайки А. Д. Лебедева (1921 г. р.), наигрывая мелодию на балалайке: «Два шага вперед, два назад, два влево, два вправо, потом кружиться и петь. Четыре оборота петь, четыре шага ходить... А потом кружишься, и опять» [Козырев 2002, № 196, запись 4.04.92 г.]. «Песня исполняется так же, как в «турани»: запевала «подает голос», хор, танцует, повторяет» [Там же].

Особую форму исполнения имела частушка «походная», сопровождающая шествие, ход. Мужская походная называлась «ватажной». Исполнялась она под «сормача походного», исполнение ватажной отличалось особым поведением участников шествия. Парни — «ватага» (в тексте «шаечка») — шли по деревне шеренгой, взявшись «в крендель» («в ручку»), т. е. подхватив друг друга под руку, впереди шеренги гармонист — «атаман». По описанию О. С. Козырева, вид «ватаги» говорил о «ее сплоченности и готовности постоять за себя и за свою

деревню¹. <...> «Сормач», под который шла «ватага» с частушками, звучал здесь мужественно и сурово. Музыка соответствовал текст:

Вот она и заиграла,
Двадцать пять на двадцать пять.
Вот она и загуляла,
Наша шаечка опять!

Атаман идет по бережку,
За ним подросточки,
Кто заденёт атамана –
Засверкают тросточки! И т.д.
[Там же, № 157].

«Атаман» запевал и пропевал выкриком две первые строчки, «ватага» подхватывала и повторяла их хором уже протяжно. После своеобразного устрашения шли обычные частушки, но часто в репертуаре «ватаги» были частушки «охальные».

Иногда «ватагой» проходили по деревне девушки, обычно идя в соседнюю деревню на гулянье. Они не были столь воинственны, как парни, но начинали пение с «запугивающей» частушки — варианта мужского запева: «Наша маленькая шаечка — / Девчонки хороши, / Нашу маленькую шаечку / Никто не шараш!» [Там же, № 195], и их репертуар в этом случае включал если не «охальные», то озорные частушки. Женщина, рассказывающая о женской «ватажной» (Зап. от А.Д. Лебедевой, с. Лужайки. Соб. О.С. Козырев, 1992 г.), пропела, например:

Мы во Пяткино ходили,
Много начудесили:
С мельника штаны содрали,
На крыло <мельницы. — Соб.> повесили
[Там же, № 195].

В 1975 г. и даже спустя десятилетие в Заветлужье все эти разновидности напевов и танцев помнили. Но вечерних молодежных гуляний «на пятачке» с плясками под гармонь уже не было. Молодежь ходила на танцы в клуб. Деревенская молодежь частушки уже не пела, это было немодно и с позиции

молодежи служило признаком деревенской отсталости. Да и молодежи-то в деревне почти не осталось...

На рубеже 1960–1970-х гг. частушка в Заветлужье, уйдя из жизни молодежи, как и в других областях России, осталась жить в среде тех, чья молодость прошла с нею. Поколения сорокалетних-пятидесятилетних и старше сохранили ее в памяти и в своем репертуаре на семейных, производственных и общих деревенских гуляньях. При этом текстовый корпус жанра остался таким, как сложился в составе молодежной культуры, поэтому люди, давно женатые и замужние, пели о проблемах любовных добрых отношений, а немолодые мужчины могли вспомнить и запеть рекрутские частушки, о том, что «скоро в армию забреют», и т.д. Произошла возрастная, воспользуюсь термином М. Красикова, «перекодировка» [Красиков 1984, 84], а с ней и «перекодировка» функциональная — потеря частушкой ее исконной непосредственной коммуникативной функции. В этом отношении частушка приблизилась к песне.

Одним из проявлений завершения активной жизни жанра или его угасания стало сокращение в местных традициях числа напевов, некоторая унификация их. В нижегородской деревне, в том числе и в ветлужской, доминирующим или даже единственным напевом стал «сормач», заменивший собой все бывшее многообразие. Унификацию форм частушки при хорошем сохранении текстов в памяти жителей Варнавинского района отметили и фольклористы МГУ [Ветлужская сторона 2005, 297]. Повторные экспедиции Нижегородского университета в Ветлужский район тоже не находили уже былого разнообразия.

Разительные перемены в жизни частушки произошли в Повелужье за какое-то десятилетие — ничтожно малое время для жизни народной традиции, но оказавшееся значимым для частушки в переломный момент жизни общества и фольклора. Частушка, повторим слова И.И. Земцовского, как сказочный

¹ Шествие мужчин шеренгой, руки «в крендель», являясь символом сплоченности, единства, в народной культуре использовалось не только при проходе по деревне с частушками. Мне привелось видеть подобное шествие в конце 1990-х гг. в д. Галибиха Воскресенского района при похоронах участника афганской войны. Так шли за гробом его бывшие товарищи-сослуживцы.

богатырь, «мужала не по дням, а по часам» [Земцовский 1987, 74] и так же уходила из жизни — «не по дням, а по часам».

Интересной страницей в истории жанра частушки стали 1980-е гг. — искусственно вызванный, но поддержанный народом всплеск ушедшей или уходящей традиции, попытка ее реанимации. С 1986 г. по Центральному телевидению шла передача «Играй, гармонь!», которая пользовалась в сельской местности огромной популярностью. Обнаружилась потребность у народа в частушке. В районных центрах по примеру телепередачи стали проводиться свои праздники, посвященные гармонистам и частушкам. В Шахунье был создан «Клуб гармонистов», который ставил своей целью популяризацию гармонии, возрождение, как было записано в уставе клуба, «стихи и народного праздника», обучение молодежи игре на гармонии и др. Гармонистов в районе оказалось много. На первом празднике в районном Доме культуры (РДК) их оказалось 37 человек, всего в клубе было 52 гармониста. Это были люди, которые когда-то играли на молодежных гуляньях в деревнях.

Клуб провел праздники в ряде селений района². Старались выезжать, как правило, на праздники, традиционно отмечаемые в деревне. К приездной бригаде всегда присоединялись местные гармонисты. А в РДК проводили конкурсы знатоков местных частушечных наигрышей. К гармонии присоединялась балалайка. Гармонь тянула за собой частушки. Праздники проходили при большом стечении народа: заполнялся весь зал, люди стояли в проходах. Выступления гармонистов и сельские праздники с их участием вызвали многочисленные отклики в местной печати³. Об одном из праздников О.С. Козырев писал: «19 апреля 1987 г. Народное гуляние в д. Ильинки. Стихийно, без сценария: в двенадцать гармоней заиграли на улице, народ сам выскочил, пошли за нами с песнями, открыли клуб,

раздвинули диваны — пели, плясали часов до четырех вечера. Впечатление: “А-к уж вечер! Надо же — целый день гуляли, а не пьяные!” (была Пасха)» [Козырев 2002, № 3].

Но движение вскоре затихло. Один за другим уходили из жизни гармонисты, праздники в деревне охотно посещались, если их организовывали работники клуба, но сама собой «стихия праздника» по-прежнему не возникала. Естественное угасание традиции оказалось непреодолимо... Показателем того, что местная традиция к этому времени находилась в стадии не только угасания, но и уже частичного исчезновения, говорит и тот факт, что при проведении деревенских праздников, посвященных гармонистам и частушке, ведущий, как показывают сценарии, рассказывал о былом богатстве местных напевов и даже учил танцу. Повзрослело поколение, в молодости не прошедшее деревенских вечерних гуляний с гармошкой и не владеющее всем местным частушечным репертуаром.

Исполнение частушек на праздниках «Играй, гармонь!» выявило еще одну примету угасания жанра — хаотичность исполнения частушек внутри частушечного действия, нарушение его целостности при исполнении на народе, публичном представлении. Частушка обладает парадоксальным свойством. Она целостна, закончена в своих четырех строчках. В то же время как отдельный текст она фактически не живет, при живом бытовании она всегда встраивается в цепь других частушек, оказывается единицей большого «текста», частью целостной системы. О том, что цепь спетых одним исполнителем или чаще многими попеременно воспринимается как нечто целое, свидетельствует наличие у этой цепи зачина и концовки. Концовкой всегда бывает благодарность гармонисту. В качестве зачина может быть своего рода «объявление номера» — сообщение в частушке-запеве названия напева или пляски: «Я “Семеновну”, / Выхожу плясать...»

² О.С. Козырев сохранил сценарии праздников, дневники их проведения, разговор с участниками, тексты, записанные от них, отзывы, собственные наблюдения и записи аналитического характера — бесценный материал для понимания состояния жанра на том этапе [Козырев 2002]. Они используются нами. Выражаем О.С. Козыреву благодарность за предоставление и консультации.

³ Газета «Знамя труда», г. Шахунья: 1987, 27.03; № 47, 16.04.87; № 66, 30.05; 1988, № 41, 5.04; 1989, № 57, 16.05; № 155, 26.12; 1990, 4.01 и др.

[Козырев 2002, 164]; «Сормовского заиграли / И сказали: / Громче пой...» [Там же, № 196]; «Ты подгорна, ты подгорна, / Широкая улица...» [Там же, № 204], «Сербияночку плясать, / Надо много песен знать...» [Там же, № 211]. Первая частушка может анонсировать последующие действия: «По деревне мы пройдем...» при исполнении походной, «Задушевная, товарка, / Выходи, поговорим...» [Там же, № 197], при исполнении подгорной-диалога. Иногда роль объявления может играть частушка, содержащая какую-либо деталь, реалию, которая у присутствующих, знающих местную частушку, сразу вызывает ассоциацию с определенным напевом, пляской. Так, балалаечница З. А. Голубева (с. Извал), демонстрируя наигрыш «деревенский», первой спела частушку: «Деревенка, деревенка, / В деревеньке миленькой, / Постоянно ходит миленькой / В рубашонке биленькой» [Там же, № 206]. Основная часть частушечной цепи тоже тематически структурирована: первый исполнитель задает тему, остальные поддерживают, когда у очередного запевалы будет исчерпана в его репертуаре данная тема или по какой-либо другой причине он начнет другую тему, она снова будет подхвачена. Так постепенно переберут упреки милому, хвалу ему, измену, «перебивочку»-супостатку и т.д. В частушках предстает вся история любви — любовный роман. К сожалению, частушки редко записывались в живом исполнении на гулянье, поэтому трудно этот «роман» прочитать. Сообщение частушек циклами заметно при записи от исполнителя, имеющего большой репертуар, но циклизация в этом случае может объясняться мнемоническими причинами.

На разрушение в ветлужской традиции сюжетной целостности при исполнении частушек, их хаотичности при пении во время праздников «Играй, гармонь!» обратил внимание О. С. Козырев — художник, местный житель, молодость которого пришлась на пору существования в его родном селе Хмелевицы «пяточка», постоянный наблюдатель исполнения частушек. Об этом сдвиге в традиционном бытовании он неоднократно писал в своих заметках [Козырев 2002].

Интересна оценка состояния традиции в 1980–1990-е гг. одним из жителей деревни. В фондах Шахунского

фольклорно-этнографического музея есть рукопись А. Н. Раскатова (1920–1992). К «Воспоминаниям» приложена тетрадь, в которой автор особо рассказал о молодости, гуляньях в 30-е годы прошлого века в деревне Горюшкино: «Молодежь очень весело гуляла. Зимой были вечерки, беседки, свозы. Я на своей лошади возил парней в дальние деревни, когда был подростком. А летом были гулянья: в одно воскресенье в одной деревне собираются из соседних деревень, гуляют день и до глубокой ночи, в другое воскресенье — в другой деревне, <...> народ был гораздо веселее, чем сейчас...» [Раскатов 1991]. Далее в его записях идут частушки — 71 текст: мужские о «шурочке», «допризывные», среди них несколько текстов военного времени, к некоторым указан тип исполнения и напева («подгорная под сербиянку», «турань под сормача» и «страдания под сормача»). Заметим, что частушки отнесены сельским жителем к «воспоминаниям», т.е. к ушедшему у. В его заметке о частушках есть очень точно подмеченное наблюдение и точно выраженное суждение о том времени, когда активно жила частушка: ее «каждый мог петь и плясать — людей веселит и себя» [Там же] — всеобщность бытования и стихийность, отсутствие организации со стороны.

К экспедиционным наблюдениям прибавились стационарные. С середины 1990-х гг. я по 3–4 месяца живу в ветлужской деревне Галибихе (Воскресенский район) и имею возможность стационарно наблюдать за состоянием традиционной культуры, в том числе и за частушкой здесь. Деревня достаточно большая, в ней есть еще постоянно живущие жители среднего возраста, существует семилетняя школа, клуб. Игру гармошки за годы жизни в Галибихе я не слышала ни разу, пение частушек приходилось слышать на дне рождения одной из женщин (род. в 1928 г.), на который она собирала соседок, в возрасте 50–70 лет. Застолье заканчивалось пляской под частушки — «сормача». Но участницы знали частушек мало, пели «что придет на ум», без какого-либо порядка. После смерти соседки и этот частушечный всплеск прекратился.

С распадом колхозов в деревне не осталось привычных коллективных форм досуга (День животновода, праздник урожая,

гулянье по поводу окончания сенокоса и других работ). Даже свадьбы сейчас отмечают часто в районном кафе. Стали праздновать престольные праздники, объявляемые днем села. Праздником Воскресенского района считается Смоленская, на нее изо всех деревень приезжают люди в центр, бывает концерт на временной сцене, «город мастеров-умельцев», центральная улица заставляется торговыми палатками, жарятся шашлыки... Толпы гуляющего народа, но никакой гармошки, частушек и плясок. Гармонь и частушки ушли в прошлое. Между тем в быту населения живут некоторые архаические обычаи. Приходилось видеть во дворах над курятником висящий лапоть — это «куриный бог», «чтоб куры водились». При покойнике непременно вывешивается на

наличник дома полотенце — «душеньке было б чем утереться», грехом считается шевелить землю в Троицу и Духов день и др. Сохраняется то, что вписывается в повседневность отдельной семьи.

Частушка как жанр жила в определенной бытовой обстановке — коллективного неорганизованного традиционного гулянья. Этот синкретизм жанра и условий бытования оказался удивительно устойчив. Ушла привычная обстановка бытования, и ушла частушка. Даже в пору праздников «Играй, гармонь!», когда частушка была еще в памяти деревенского населения, отвечала эстетическим вкусам и была востребована, она не возродилась — значение привычной для частушки обстановки бытования оказалось сильнее всех других факторов.

Источники и материалы

Ветлужская сторона 2005 — Ветлужская сторона. Вып. VI: Во веселой во беседе... Традиционный фольклор Варнавинского района Нижегородской области / Сост. А. В. Кулагина, В. А. Ковпик; Нотировка песен Т. В. Кирюшиной. М.; Варнавино, 2005.

Власова, Горелов 1965 — Частушка в записях советского времени / Изд. подг. З. И. Власова, А. А. Горелов. М.; Л., 1965.

Горелов 1965 — *Горелов А. А.* Русская частушка в записях советского времени // Частушка в записях советского времени / Изд. подг. З. И. Власова, А. А. Горелов. М.; Л., 1965. С. 5–27.

Козырев 2002 — *Козырев О.* Итоги Шахунской фольклорно-этнографической экспедиции 1971–2001 гг. (ШЭМ — ОФ — 571).

Козырева 2019 — *Козырева А. Г.* Из «Заметок о семейном древе» // Корепова К. Е., Козырев О. С., Осмирко Т. Н. Воспоминания, семейные предания и фотографии: Шахунский район Нижегородской области. Рукопись, 2019. (ШЭМ — НВФ — 3646).

Раскатов 1991 — *Раскатов Н. А.* Воспоминания. Тетрадь с частушками. Рукопись, 1991. (ШЭМ — НВФ — 3648).

Указатель 1985 — Библиографический указатель материалов фольклорного архива кафедры русской литературы Горьковского государственного университета. Вып. V / Сост. К. Е. Корепова, Ф. С. Эйдельман. Горький, 1985.

ФА ННГУ — Архив Центра фольклора Нижегородского университета (г. Нижний Новгород).

Флоренский 1909 — *Флоренский П. А.* Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда. Кострома, 1909. URL: <https://knigi.link/sochineniya-florenskiy/neskolko-zamechaniy-sobrania-chastushek-7250.html> (дата обращения: 15.03.2017).

ШЭМ — Архив Шахунского фольклорно-этнографического музея (Нижегородская область, г. Шахунья).

Исследования

Адоньева 2004 — *Адоньева С.* Прагматика частушки // Антропологический форум. 2004. № 1.

Земцовский 1987 — *Земцовский И. И.* Проблема русской частушки // Советская музыка. 1987. № 7.

Красиков 1984 — *Красиков М. М.* <Из выступлений на Всесоюзной научной конференции> // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. XXII. М.; Л., 1984.

Селиванов 1990 — *Селиванов Ф. М.* Народная лирическая поэзия последнего столетия // Частушки / Сост., вступ. ст. и коммент. Ф. М. Селиванова. М., 1990. (Библиотека русского фольклора. Т. 9).

© К. Е. Корепова, 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Корепова К. Е. <https://orcid.org/0000-0002-1837-3353>

Доктор филологических наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского: Российская Федерация, 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37; тел.: +7 (831) 433-82-45; e-mail: korvic@list.ru

THE CHASTUSHKA IN POVETLUZHYE: ON THE PROBLEM OF THE GENRE'S FATE

KLARA E. KOREPOVA

(Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod: 37, Bolshaya Pokrovskaya str., Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation)

Summary. The article is based on the material of expeditions and stationary observations in one regional tradition and explores the fate of chastushki during the period of this genre's dying out. In the middle of the 60s of the last century, the chastushka was still active in the village: it retained its original age affiliation and was a part of young people's culture and preserved its main setting — their outdoor gatherings. A sign of the chastushka's vitality was also the fact that it preserved and realized its generic communicative function as one of the customary forms of self-expression as for village youth. The chastushka existed in a variety of intra-generis types and melodies; this article examines the types of chastushka melody and dancies and their terminology in Povetluzhye. The process of creating new texts in the chastushka genre was already slowing down, and the main corpus of lyrical chastushki about love recorded in those years had coalesced much earlier.

In the early 1970s, the chastushka disappeared from the lives of young people and only remained among those who had grown up with it. There was a "recoding" according to age and a functional "transcoding": the chastushka lost its traditional, direct communicative function. A sign of its departure was also the reduction of the number of melodies in local traditions and some measure of their unification.

In the 1980s, there was an upsurge of the departed (or departing) tradition of the chastushka, artificially produced by the television program "Play, accordion!" but which had popular support. It turned out that the village population still remembered the chastushka and that is answered its aesthetic taste and demands. But the genre's resuscitation did not take place. The chastushka as a genre had existed in an atmosphere of collective, traditional, informal entertainment. This syncretism between genre and the conditions of its existence was so durable that it overcame all other factors. When the usual conditions of its existence disappeared, so did the chastushka.

Key words: chastushka, chant, folk dance, regional folklore, folklore's fate.

Received: March 30, 2019.

Date of publication: June 25, 2019.

For citation: Korepova K. E. The chastushka in Povetluzhye: On the problem of the genre's fate. *Traditional culture*. 2019. Vol. 20. No. 2. Pp. 179–190. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.2.016

References

Adonyeva S. (2004) Pragmatika chastushki [The pragmatics of the chastushka]. *Antropologicheskiy forum* [Forum for anthropology and culture]. 2004. No. 1. In Russian.

Krasikov M. M. (1984) <Iz vystupleniy na Vsesoyuznoy nauchnoy konferentsii> [From speeches at the All-Union Scholarly Conference]. In: *Russkiy fol'klor* [Russian folklore]. Mater. and research. Vol. XXII. Moscow; Leningrad. In Russian.

Selivanov F. M. (1990) Narodnaya liricheskaya poeziya poslednego stoletiya [Folk lyrical poetry of the last century]. In: *Chastushki* [Chastushkas]. In Russian.

Zemtsovskiy I. I. (1987) Problema russkoy chastushki [The problem of the Russian chastushka]. *Sovetskaya muzyka* [Soviet music]. 1987. No. 7. In Russian.

© K. E. Korepova, 2019

ABOUT THE AUTHOR

Klara E. Korepova <https://orcid.org/0000-0002-1837-3353>

E-mail: korvic@list.ru

Tel.: + 7 (831) 433-82-45

37, Bolshaya Pokrovskaya str., Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation

DSc in Philology, Professor of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)